

15. Там же. Л. 176-177. В предыдущем году в Мурманский округ из других районов Ленобласти было отправлено 2554 чел. (Центральный государственный архив С.-Петербурга. Ф. 7179, оп. 3, д. 128, л. 181), из других областей – 8499 чел. (РГА СПИ. Ф. 17, оп. 120, д. 52, л. 20). С начала января до начала мая 1931 г. из 4118 семей, раскулаченных в Ленобласти и Карелии, внутри области было переселено 858 семей (4290 чел.) (Там же. Д. 26, л. 86).

16. РГА СПИ. Ф. 17, оп. 120, д. 26, л. 197.

17. Там же.

18. Ивницкий Н.А. Указ. соч. – С. 242.

19. ГАРФ. Ф. р-5446, оп. 32, д. 25, л. 44.

20. На 1 января 1949 г. в Мурманской области оставалось 3887 спецпоселенцев, из них 2094 бывших “кулаков” и 1793 “власовца” (Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. – 1990. – № 11. – С. 11).

21. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 507, оп. 1, д. 25, л. 16-18.

22. Земсков В.Н. “Кулацкая ссылка” в 30-е годы... – С.15.

23. Майстерман С.А. Указ. соч. – С.6.

Л.Н.Мазур
(Екатеринбург)

**КРАЙ ССЫЛКИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В 1930–1950-е гг.
(по материалам Урала и Северного края)**

В 1990-е гг. вышло немало научных работ, в которых рассматривались вопросы раскулачивания, ссылки, образ жизни спецпоселенцев [1]. Они заложили основу дальнейшего изучения проблемы, создав общее представление о динамике и содержании раскулачивания и насильственного переселения. В настоящее время актуальным становится тщательное исследование конкретно-исторических аспектов массовых репрессий 1930–1940-х гг., в частности, их влияния на демографическую, социальную структуру общества, систему расселения.

Особенностью системы расселения северных районов России, Урала, Сибири было то, что они издавна выступали как районы ссылки неугодных режиму элементов и интенсивно использовались в этом качестве. Причем поток осужденных – заключенных и ссыльных – на протяжении XIX, начала XX в., и особенно в течение 1920-х гг. неуклонно увеличивался, создавая угрожающую ситуацию для местного населения. В Уралобласти в конце 1920-х гг. основная ссылка, главным образом, размещалась в

Тобольском и Верхне-Камском округах и, в соответствии с Законом о принудительных работах 1929 г., ссыльные использовались на сельскохозяйственных и лесозаготовительных работах. Уже в 1929 г., по сравнению с предшествующим годом, число заключенных, размещенных в Уралобласти, выросло на 63,3% и достигло по состоянию на 1.01.1929 г. 11382 чел. [2].

Однако на данном этапе воздействие административной ссылки на систему расселения Урала и Севера России было достаточно ограниченным. Ссылка в основном осуществлялась в форме "приселения" осужденных и размещения их под наблюдением в уже существующих населенных пунктах. Ситуация кардинально меняется, когда административная ссылка становится основным методом ограничения прав для миллионов раскулаченных.

Как результат массовой репрессивной политики государства в системе расселения северных территорий появляются новые типы поселений – спецпоселки для раскулаченных и других категорий, подлежащих выселению. Они выполняли специфические функции – это изоляция общественно опасных элементов и обеспечение постоянной рабочей силой трудоемких отраслей хозяйства, в том числе лесной, добывающей, строительства и др. Спецпоселки имели особый административный статус, свою систему управления и были оформлены в виде сети поселений, фактически выпадавшей из ведения гражданского управления.

Первоначально для контроля за спецпереселенцами при Облисполкомах организовывались административные отделы. В январе 1931 г. происходит перестройка административных органов и задачи наблюдения и обслуживания спецпереселенцев возлагаются на вновь создаваемый в составе областного управления милиции комендантский отдел, возглавляемый ПП ОГПУ. На местах при райисполкомах организуются комендантские отделения и участковые комендатуры. Так организационно оформляется система комендантского контроля, которая стала отличительной чертой спецпоселений. Первоначально они находились под двойным руководством – гражданских властей (исполкомы) и уполномоченных ОГПУ. В 1931 г. ссылка была полностью передана в ведение ГУЛАГа, соответственно поселки спецпереселенцев оказались под его контролем и управлением.

Поселенческая сеть, представленная спецпоселками, а немного позднее и лагерными образованиями, входящими в систему ГУЛАГа (лагерные пункты, командировки, подкомандировки), по своим системным характеристикам была 1) исключительно подвижной (динамика изменений численности спецпоселков – это одна из труднорешаемых проблем); 2) ориентированной на решение производственных задач и, как следствие, неустойчивой; 3) закрытой, так как предполагала особый режим передвижения спецпоселенцев.

Рассмотрим основные этапы эволюции кулацкой ссылки и, соответственно, развития сети спецпоселков:

1 этап – 1930–1932 гг. – проведение раскулачивания и начальный этап формирования системы спецпоселений. На данном этапе идет массовое строительство новых поселков, оформляются их нормативно-правовой статус и основные принципы застройки;

2 этап – 1933–1936 гг. – завершение массового переселения раскулаченных. В этот период происходит создание устойчивой сети спецпоселений, которые стали базой размещения ссыльных на последующие годы;

3 этап – 1936–1947 гг. расширение системы спецпоселений в результате развертывания массовых репрессий против различных категорий населения, а также выселения с исторических мест обитания репрессированных народов. На данном этапе система спецпоселений развивается во взаимодействии с пространственно-организационной структурой ГУЛАГа, как один из составных ее элементов;

4 этап – 1947–1956 гг. – постепенная ликвидация спецссылки и системы спецпоселений.

Начало массовому переселению раскулаченных положило Постановление ЦК ВКП(б) от 30.01.30г. “О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации”, в котором определялись ориентировочные цифры по раскулаченным разных категорий и местам ссылки. Особо отмечалось, что районы высылки должны быть малообжитыми или совсем необжитыми [3].

По сведениям, опубликованным В.Н.Земсковым, в 1930–1931 гг. было отправлено на поселение 391026 семей общей численностью 1803392 чел., в том числе на 1 января 1932 г. состояло на учете на Урале – 484 380 чел.; в Северном крае – 120 509 чел. [4]. К маю 1931 г. в Уралобласть было направлено 47157 семей спецпереселенцев, размещенных в 33 районах, на 10 февраля 1932 г. здесь насчитывалось около 500 000 переселенцев, к 1933 г. – более миллиона.

Использование труда ссыльных было одной из центральных проблем и осуществлялось через заключение договоров с хозорганизациями, среди которых по объемам применения подневольного труда заключенных выделялись тресты лесной и добывающей промышленности. В обязанности принимающих организаций входило строительство поселков для раскулаченных, их благоустройство и обеспечение заключенных необходимыми продуктами и вещами в соответствии с установленными нормами. Организация поселков носила во многом стихийный характер, хотя местные органы власти и хозяйственные организации пытались планировать процессы обустройства ссылки. Однако эти планы подчас мало отражали реальные условия ее функционирования. Контрольные показатели, заявленные в постановлениях постоянно превышались. Устанавливались очень жесткие сроки приема переселенцев: по 2-3

зшелона в день. В срочном порядке отводились участки, как правило, отдаленные от жилья, без изучения пригодности их для жизнеобеспечения переселенцев, сельскохозяйственного и производственного использования. Уже осенью 1930 г. стало ясно, что часть основанных поселков не имеет перспективы развития из-за непригодности почв, отсутствия воды, как это было в пос. Талое Ивдельского района, пос. Талица того же района, пос. Мари Надеждинского района [5].

Оформление административно-правового статуса спецпоселений осуществлялось в несколько этапов. Сначала в рабочем порядке на местном уровне создавались необходимые нормативные документы. В апреле 1931 г. было разработано Положение об обслуживании и управлении спецпереселенцами в Уралобласти, в котором определялись основные моменты системы управления, права и обязанности комендантского отдела и спецпереселенцев. В положении получили отражение основные принципы организации поселений и их виды (промышленные, лесные и сельскохозяйственные). Размер поселков определялся от 80 до 150 домов. В октябре 1931 г. центральными властями было разработано Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, в котором, используя опыт местных органов власти, были утверждены основные вопросы социально-правового статуса спецпереселенцев, принципы их расселения [6].

В зависимости от производственной направленности создаваемые поселки подразделялись на сельскохозяйственные, лесные, промысловые, промышленные. Они отличались по уровню благоустройства, материального обеспечения и принципам застройки.

Среди поселков спецпереселенцев особое место занимают те, которые создавались при крупных промышленных стройках: в Магнитогорске в 1932 г. насчитывалось 3 поселка с общим числом 40 426 чел., в Нижнем Тагиле в 1933 г. – 8 поселков с населением 13 884 чел. [7], в Каменск-Уральском – пос. Синарстрой (около 1100 чел.). Специфической чертой их было то, что они организовывались рядом или в черте существующих населенных пунктов. При этом реализовывался принцип изоляции спецпоселенцев, так как было запрещено размещать ссыльных вместе с вольнонаемными рабочими. Под спецпоселки в этом случае выделяли отдельные участки, которые застраивались бараками, образуя особую режимную зону. Промышленные поселки изначально были ориентированы на строительство крупных жилых объектов барачного типа с коридорной системой. В качестве примеров поселков промышленного типа можно рассматривать спецпоселки Широкореченского торфяника. В 1932 г. спецпереселенцы здесь размещались на 4 участках, застроенных бараками. К примеру, 4-й участок (683 чел.) имел 7 бараков, в которых были установлены двойные нары с перегородками из мешковины, двери не утеплены, рамы отсутствовали. Отапливали бараки кирпичными очагами. Повсюду в поселке отмечены грязь, нечистоты. Такая же картина наблюдается и на остальных

участках. Наиболее благоустроенным из всех поселков Широкореченского торфяника был 2-й участок, где располагались службы Торфоуправления и Торфокооперации. Здесь помимо нескольких бараков были баня, ясли, хлебопекарня, прачечные, столовая, магазин, ларек, молочная ферма и свинарник. Все участки электрифицированы за исключением одного. Водоснабжение обеспечивалось на 1-м участке колодцем; на 3-, 4-, 5-м участках – болотной водой. Неудивительно, что промышленные поселки, где скученность спецпереселенцев была исключительно высокой становились очагами инфекций и давали вспышки таких заболеваний как сыпной тиф, дизентерия и др.

Лесные поселки заселялись спецпереселенцами, которых использовали для лесозаготовительных, сплавных работ. Наиболее крупные леспрохозы на Урале располагались в Ивдельском, Гаринском, Таборинском, Серовском, Туринском Исвоском, Верхне-Тавдинском районах области.

До появления в конце 1920-х гг. лесозаготовительных колоний и спецпоселков, на лесозаготовки привлекалось местное население и с целью организации производственного процесса создавались временные населенные пункты – лесные бараки, где в сезон заготовки проживали работники.

Первые поселки для спецпереселенцев, формируемые в системе леспрохозов, также строились по этому образцу: возводились бараки, обустроенные нарами вместимостью 100–150 чел. Однако такой тип застройки не способствовал закреплению ссыльных на постоянное местожительство. Типовой план поселка уже предусматривал строительство изб на две семьи (зырянского типа), в каждом намечалось построить баню, хлебопекарню, создать сеть медобслуживания (один фельдшерско-акушерский пункт на два поселения) и культурно-просветительских учреждений, планировалось развитие дорожного строительства. Все это требовало финансовой поддержки, которая осуществлялась в весьма урезанных размерах. Так, например, при потребности Уралобласти на обустройство спецссылки в 2 млн. 897 тыс. руб. в 1930 г. было выделено только 400 тыс. руб. [8].

Сельскохозяйственные поселки были связаны с решением задач сельскохозяйственной колонизации. По состоянию на февраль 1931 г. насчитывается в Уралобласти 51 сельскохозяйственный поселок [9], на сельхозработы направлялись те, кого нельзя было использовать на лесоразработках, рыбных и иных промыслах. Поэтому сельхозссылка в районах Северного Урала была немногочисленной и сосредотачивалась, главным образом, в районах Тобольского округа, Нижне-Тагильском районе. Здесь первичная застройка осуществлялась в виде землянок, шалашей, бараков с постепенным разделением на отдельные дворохозяйства. Таким образом, в сельскохозяйственных спецпоселках воспроизводился традиционный тип деревни. Как правило, данные населенные пункты имели наиболее

благоприятную историческую перспективу и стабильно развивались. Многие из них в последствии стали усадьбами колхозов и совхозов и существуют до сих пор. В Тавдинском районе в настоящее время насчитывается 5 таких поселений, из них 4 превратились в крупные, благоустроенные села. Так, например, пос. Чернушка Тавдинского района, возникнув в 1931 г. на берегу реки Карабашки, благодаря каторжному труду раскулаченных уже к концу 1930-х гг. превратился в достаточно большой и благоустроенный населенный пункт, а колхоз, созданный раскулаченными, стал самым богатым в районе.

В дальнейшем одним из направлений развития сельхозколонизации стало использование труда ссыльных в совхозном строительстве. Уже в 1931 г. в ряд зерносовхозов Уралобласти направляются партии спецпереселенцев, в том числе в зерносовхоз Арамашевского, Исетского, Красноуфимского районов [10]. Описывая ситуацию в совхозах Коми-Пермяцкого округа (Юрлинский льносовхоз, Юкасеевский совхоз), отмечается, что переданные для работы в хозяйствах спецпереселенцы не обустроены, размещаются среди местного населения, денег на строительство не выделяется. Однако, если убрать из совхозов спецпереселенцев, то их придется закрывать, так как работать будет некому.

Очень сложно проследить и оценить динамику численности поселков спецпереселенцев, созданных в 1930-1940-е гг. в регионах. Как правило, присутствуют отрывочные данные на отдельные моменты времени, которые часто бывают несовместимыми. По признанию чиновников того времени "Ни одна областная организация не знает точного количества и месторасположения имеющихся у них спецпереселенцев" [11]. На 8.06.1930 г. в Уралобласти вновь организовано 193 поселка, в том числе в Тобольском округе – 60; Тагильском округе – 74; Ирбитском – 6; Пермском – 8; Верхнекамском – 36; Коми-Пермяцком автономном округе – 9 [12]. На конец 1930 г. в Уралобласти зарегистрировано 188 спецпоселений [13]. По приближенным данным на 10 февраля 1932 г. в Уралобласти насчитывалось порядка 650 поселков спецпереселенцев, на июль 1932 г. – 600 поселков [14]. Эта цифра была уже неоднократно опубликована, однако она требует пересмотра и уточнения. Приведенное число (650) включает как новые спецпоселки, созданные специально для поселения бывших кулаков, так и деревни, где проживали ссыльные вместе с коренным населением. Число новых поселений для кулаков, созданных в 1930–1931 гг., видимо, не превышает 200 и достигает к 1938 г. – 243. В 1933–1934 гг. было ликвидировано около 60 поселков, как не имеющих перспектив развития. Согласно карте спецпоселений, приведенной в монографии В.М.Кириллова, в 1935–1956 гг. в Свердловской области насчитывалось около 190 поселений, в том числе спецпоселков кулаков – 142, советских немцев и украинцев – 17, крымских татар – 20 [15]. К январю 1940 г. в Свердловской области насчитывалось 146 поселков.

К 1935 г. расселение трудпоселенцев (с 1934 г. по 1944 г. так стали именовать спецпереселенцев) приобрело упорядоченный вид. Были найдены наиболее оптимальные варианты организации и обустройства спецпоселков, налажены необходимые условия жизни, решены на простейшем уровне проблемы социально-культурного обеспечения и здравоохранения. Одним из значимых показателей стабилизации стало превышение рождаемости над смертностью.

На 1 июля 1938 г. на учете отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР числилось 997 329 трудпоселенцев, которые проживали в 1741 трудпоселке, в том числе в Свердловской области – 243 поселка (171899 чел.), в Челябинской области – 40 (57 337 чел.), в Оренбургской области – 3 (2532 чел.), в Коми АССР – 37 (20172 чел.) [16]. На 1 октября 1941 г. в стране на учете состояло 936547 трудпоселенцев, из них 871851 чел. (93,1%) – это бывшие кулаки, выселенные в 1929–1933 гг. из районов сплошной коллективизации. К 1 января 1945 г. численность спецпереселенцев контингента “бывшие кулаки” снизилась до 631137 чел. Основной причиной сокращения численности стало освобождение трудпоселенцев в течение 1938–1944 гг. 28 сентября 1946 г. вышел приказ МВД СССР и Прокуратуры СССР № 00868/208сс “О порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев бывших кулаков”, по которому определялись категории спецпереселенцев, подлежащих снятию с учета. За период с 1946 по 1952 г. в соответствии с постановлениями Совета Министров СССР, которые были приняты по представлению местных партийных и советских органов, в 28 республиках, краях и областях бывшие кулаки были почти полностью сняты с спецучета (за исключением лиц немецкой, калмыцкой, чеченской и других национальностей) [17]. На 1 июля 1952 г. контингент “бывшие кулаки” насчитывал 28009 чел., в том числе в Свердловской области – 2052, Молотовской – 208, Челябинской – 189 чел. В 1954 г. кулацкая ссылка окончательно прекратила свое существование.

Однако, наряду с кулацкой ссылкой, которая имела тенденцию к сокращению, начиная с 1934 г., растет число осужденных по различным политическим статьям, а во время войны и в послевоенные годы к категории спецпереселенцев добавляются депортированные народы, сосланные на поселение “навечно”.

Только в Свердловской области в начале 1941 г. состояло на учете около 98 тыс. трудпоселенцев и 61441 чел. заключенных, находящихся в Ивдельлаге, Севураллаге, Тагиллаге и других лагерях [18]. За годы войны численность заключенных еще более возросла и составила в 1943 г. по Свердловской области – 3 млн. 266 тыс. чел. [19]. В начале 1950-х гг. численность заключенных сокращается до 15322 чел. (на 15 мая 1953 г.) [20], но категория лиц с ограниченными правами перемещения по-прежнему остается достаточно большой: в 1956 г. насчитывалось 60616 спецпоселенцев [21].

Во второй половине 1930-х – 1940-е гг. развитие поселенческой сети на Урале и в северных районах России во многом связано с созданием и развертыванием лагерных систем. Роль лагерных образований в развитии системы расселения пока мало изучена. Разраставшаяся структура ГУЛАГа, представленная в виде сотен лагерных пунктов, ИТК, колоний для несовершеннолетних, приобретала сложную пространственную организацию, способствуя формированию новых населенных пунктов. Только в Свердловской области насчитывалось 7 лагерных систем (Ивдельлаг, Севураллаг, Тагиллаг, Тавдинлаг, Лобвинлаг, Богословлаг, Востураллаг), которые в свою очередь делились на лагерные отделения, включавшие десятки лагерных пунктов, командировок, тюрем и т.д. (в 1947 г. насчитывалось около 80 подразделений). Многие из созданных лагерных пунктов заложили основы населенных пунктов или послужили толчком к интенсивному развитию созданных ранее поселений. В отличие от поселенческой сети, сложившейся в результате кулацкой ссылки, лагерная система расселения имела четкую промышленную ориентацию. Особенно значимую роль сыграли лагерные системы в освоении и развитии Ивдельского, Тавдинского, Сосьвенского, Краснотурьинского районов. Так, например, в Тавдинском районе пос. Северная Чернушка возник как лагерьный пункт Азанковского отделения Востокураллага в 1940-е гг., население его состояло из семей обслуживающего персонала. Эта специфика сохраняется вплоть до настоящего времени.

Не менее сложная и напряженная ситуация по организации спецпоселков сложилась на русском Севере, ставшем наряду с Уралом одним из основных районов ссылки и заключения репрессированных. В 1930-1933 гг. в Северный край было завезено более 375 тыс. раскулаченных. Первые партии переселенцев начинают прибывать уже в феврале 1930 г. Они расселялись в Архангельском округе (150 тыс.), Вологодском (50 тыс.), Северо-Двинском (47 тыс. 500), области Коми (60 тыс.). По сообщениям ПП ОГПУ, в Северный край к началу сентября 1930 г. прибыло кулаков-переселенцев – 261232 чел., административно-ссылных – 32396, всего 293628 чел., направлено на лесозаводы – 12425 чел. [22].

В рамках организации лесной промышленности на территории Северного края были построены в необжитых местах, глуши 201 спецпоселок [23]. В большинстве своем условия жизни в них не соответствовали элементарным требованиям выживаемости. Самым тяжелым на начальном этапе был вопрос обеспечения жильем. Строящиеся в срочном порядке бараки были фактически не приспособлены для жилья – с щелями, плохо отапливаемые, темные и тесные, они не соответствовали элементарным нормам [24].

Интересные данные о системе расселения Республики Коми приведены в справочнике, составленном И.Л.Жеребцовым “Где ты живешь” [25]. В справочнике приведено описание более чем 1500 населенных пунктов, из

них примерно 225 были созданы в 1930-е гг. и основная масса их – это поселки спецпереселенцев (например, поселки Бортом, Зимстан, Вожаель, Велдорья и др.). Наиболее многочисленной выступает группа лесных поселков (81), далее по численности следуют сельскохозяйственные (40), промышленные. Несколько населенных пунктов (например, пос. Аджером, пос. Лемты, Кедровый Шор и др., всего – 11) отмечены как лагерные пункты. Характерно и то, что основная масса спецпоселков прошла официальную регистрацию лишь во второй половине 1950-х гг.

Особенностью спецпоселков как на стадии их образования, так и их дальнейшего развития стала значительная роль государственных органов и хозяйственных организаций, на которые возлагались задачи обустройства ссылки. Поэтому они развивались в соответствии с разрабатываемыми планами и, кроме того, в отличие от традиционной деревни, на обустройство этих поселков и создание инфраструктуры государством выделялись определенные финансовые средства, пусть и незначительные. Но они, как не парадоксально, способствовали созданию в поселках спецпереселенцев культурно-бытовых условий, которые не всегда были доступными обычным уральским и северным деревням.

Литература и источники

1. См., напр.: Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е гг. // Социологические исследования. – 1991. – № 10. – С.3-10; Он же. Спецпоселенцы // Социологические исследования. – 1991. – № 11. – С.5-27; Он же. Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. – 1992. – № 2; Кириллов В.М. История репрессий в Нижне-Тагильском регионе Урала. 1920–1950-е гг. В 2-х частях. – Нижний Тагил, 1996 и др.

2. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 59, л. 41-43.

3. РГАЭ. Ф. 9414, оп. 1, д. 1944, л. 17-25.

4. Земсков В.Н. Судьба “кулацкой ссылки” (1930–1954) // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 119, 122.

5. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 67, л. 132.

6. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 74а, л. 180.

7. Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920 – начало 1950-х гг. – Ч. 1. – С. 128.

8. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 51, т. 2, л. 222.

9. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 74а, л. 92-105.

10. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 63, л. 119.

11. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 51, л. 43.

12. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 51, т. 3, л. 102.

13. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 51, т. 2, л. 139.

14. ГАСО. Ф. 88, оп. 21, д. 91, л. 254.

15. Кириллов В.М. История репрессий в Нижне-Тагильском регионе Урала. 1920 – начало 1950-х гг. – Ч. 1. – С. 128.

16. Там же. – С. 126.
17. Земсков В.Н. Указ соч. – С. 138
18. Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 1950-х гг. – Ч. II. – С. 7.
19. Там же. – С. 30.
20. Там же. – С. 68.
21. Там же. – С. 65.
22. Шубин С.И. Северный край в истории России. – С. 325.
23. Шубин С.И. Указ.соч. – С. 334.
24. Шубин С.И. Указ. соч. – С.335.
25. Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Историко-демографический справочник. – Сыктывкар, 1994.

В.А. Саблин
(Вологда)

ДВАЖДЫ РЕПРЕССИРОВАННЫЕ (К ПРОБЛЕМЕ ВЫСЕЛЕНИЯ БЫВШИХ ПОМЕЩИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИХ ИМЕНЕЙ В 1920-е гг.)

Изменение социально-экономического и правового положения помещичьих хозяйств, прошедших испытание российской революцией 1917 г., и их судьба в 1920-е гг., к сожалению, до сих пор не стали предметом пристального историографического анализа. Сегодня исследователь знает гораздо больше о жизни российского дворянства в эмиграции, чем об оставшихся на родине. Между тем их проживание в советской России было поистине драматичным.

В начале XX в. помещичьи латифундии центральных и южных губерний России, наряду с крепкими крестьянскими хозяйствами, являлись основными поставщиками сельскохозяйственной продукции на рынок. В нечерноземной полосе и в особенности на европейском Севере помещичья земля представляла собой довольно значительный фонд, фактически находившийся в арендном пользовании крестьянства.

Каков бы ни был статус помещичьих земель, отношение крестьян к этому виду собственности было на редкость единодушным. Деревня усматривала в сохранении помещичьего землевладения величайшую несправедливость и требовала его ликвидации и передачи крестьянству. Таким путем предполагалось решить извечную проблему малоземелья крестьянских общин.

Пришедшее к власти в марте 1917 г. Временное правительство одной из своих главных задач поставило задачу подготовки проекта аграрного